

или расположенных недалеко от нее, в той или иной мере испытывает влияние региональных геополитических факторов, в том числе в сфере студенческой и академической мобильности внутри региона и за его пределами, например в сотрудничестве с Африкой.

Приведет ли национализм к кризису университетской идентичности?

В последние годы мировой образовательный ландшафт заметно изменился под влиянием растущего национализма. В странах Восточной Азии, например, укрепляется вера в собственные модели университетов, что в конце концов может привести к заявлениям о том, что «да сюэ» и другие концепции, используемые ведущими восточноазиатскими вузами, отличаются от концепции университета, зародившейся в определенной политической обстановке в условиях средневековой Европы.

История показывает, что наличие спроса на науку, технологии и высококвалифицированные кадры не всегда обеспечивает поддержку университетам как автономным академическим сообществам, — это видно на примере Французской революции, когда университеты были закрыты. Мировое развитие университетов способствует «гонке вооружений» в научной сфере, а наличие тесных связей с властями и с промышленностью приводит к тому, что программы академического обмена и сотрудничества оказываются привязаны к национальным интересам. Даже в Японии, чья конституция гарантирует академическую свободу, были случаи судебных исков, направленных на предотвращение международного сотрудничества с исследователями из определенных стран.

Университетам всего мира пора начать разговор для поиска единого понимания современного университета, которое будет основано на уважительном отношении к разнообразию культур и готовности вместе решать общие задачи глобального и регионального значения.

Даже в Японии, чья конституция гарантирует академическую свободу, были случаи судебных исков, направленных на предотвращение международного сотрудничества с исследователями из определенных стран.

Подобный разговор о современном понимании университета может быть связан с постколониальным дискурсом, но, что важнее, его должны вести готовые к саморефлексии ученые, представляющие самые разные страны и вузы. Университеты всего мира могут прийти к общей самоидентификации, только если в академической среде будет воля к совместной работе над этим вопросом.

.....

Высшее образование в эпоху популизма: общественное благо и гражданская вовлеченность

Эллен Хейзелкорн

Эллен Хейзелкорн — почетный профессор и директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института, советник по вопросам образовательной политики консалтинговой организации BH Associates (Ирландия). E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Последние годы оказались для высшего образования периодом горьких разочарований. Референдум о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза, победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, смена власти в Венгрии, Польше, Италии, Бразилии — это лишь несколько примеров событий, которые с учетом политических и законодательных изменений в этих и других странах подчеркнули усиление напряженности между высшим образованием и сообществом, в котором оно находится. Вузам, которые раньше всегда с гордостью рассказывали о своей международной работе и о работе на пересечении культур, теперь приходится иметь дело с властями и обществом, выступающими против «иностранцев».

Образование и место проживания, а также расовое/этническое происхождение и гендерная принадлежность — вот основные факторы, определяющие взгляды американских избирателей. Как показывают первые опросы в преддверии выборов 2020 года, основные противоречия наблюдаются между белыми женщинами, имеющими высшее образование, и малообразованными белыми мужчинами. Уровень образования избирателей также сыграл решающую роль во время референдума по Брекситу. А также мобильность, а точнее — ее отсутствие. Люди, которые

продолжают жить в тех же населенных пунктах, где они родились, чаще обеспокоены общественными и экономическими изменениями. По мере переселения людей в большие города меняется и баланс экономических и политических сил, из-за чего неравенство возможностей в обществе только усиливается.

Живущие в развитых странах люди моего поколения привыкли верить, что каждое следующее поколение будет жить лучше предыдущего, для них прогресс был чем-то таким, что они получали по праву рождения. Но мир меняется. По мере увеличения количества людей, поступающих в вузы, университеты становятся все более иерархичными структурами, а жизненные шансы коррелируют с доступностью высшего образования.

Проблема или решение?

Университеты утверждают, что они — часть решения, что их двери открыты, что их международная деятельность и проводимые ими исследования вносят положительный вклад в развитие общества. Но при этом их регулярно обвиняют в неудовлетворительной работе в отношении результатов обучения, профессиональных и человеческих качеств и навыков выпускников, и все это несмотря на получаемую финансовую и/или общественную и государственную поддержку. В то время как многие университеты занимаются развитием интернационализации и программ студенческой мобильности, среди местного сообщества нередко набирают популярность представления о том, что из-за привлечения международных студентов сокращается количество мест для местных граждан, а развитие англоязычных образовательных программ подрывает статус местных языков.

Как показывают исследования, университеты действительно часто выбирают в партнеры географически удаленные от них компании или организации. Исключением являются молодые или низкорейтинговые/неранжируемые университеты, которые соответствуют своей миссии и чаще выстраивают партнерства на местном уровне, — но это только подкрепляет растущую критику в адрес университетов в целом, связанную с тем, что для них приоритет международной репутации выше, чем добрососедские отношения.

Можно было бы сказать, что и эти времена пройдут. Но многие текущие и/или грядущие изменения несут действительно масштабный характер и являются ответом на серьезные вопросы. Вузы исторически всегда поддерживали тесные отношения с городами и странами, в которых они находились. Сегодняшняя публика задается вопросом: по-прежнему ли высшее образование работает на благо общественных интересов? Все это означает, что ни вузы, ни студенты больше не могут себе позволить оставаться в роли наблюдателей.

Укрепление и углубление сотрудничества

В последние годы вузы, ассоциации вузов и власти предпринимают множество самых разных инициатив,

нередко в сотрудничестве друг с другом. Они стремятся переосмыслить и «перезагрузить» университет в условиях XXI века.

Британская Комиссия гражданских университетов продвигает идею нового «гражданского договора», который бы заключали между собой основные игроки определенного города/региона, включая университеты и другие вузы. С момента запуска этой инициативы в январе 2019 года к ней подключилось уже более 30 университетов. Европейский союз продвигает политику «умной специализации»: это подход, основанный на учете местных условий и предполагающий выявление областей стратегического значения, способствующих долгосрочному укреплению потенциала и преодолению межрегиональных различий как внутри отдельных стран, так и между ними. Эта политика предполагает центральную роль институтов высшего образования и науки, а также учреждений профессионально-технического обучения.

Как показывают исследования, университеты действительно часто выбирают в партнеры географически удаленные от них компании или организации.

Многие европейские университеты в ответ на объявленные ООН Цели устойчивого развития начали переосмысление собственного академического профиля. В шестом докладе Глобальной университетской сети за инновации при ЮНЕСКО (GUNI), который называется «Социально ответственные университеты», вузам предлагается стать «глокальными», выстроив связи между локальным и глобальным. Аналитический центр Magna Charta хочет заново переработать и зафиксировать фундаментальные принципы высшего образования XXI века. Я сама участвую в деятельности «Лаборатории XXI века» Университета Линкольна (Великобритания), где мы думаем о том, как призвать университеты к действиям, соответствующим вызовам XXI века.

Очевидно, что нет никакого универсального плана, но зато можно выделить три основных подхода к повышению вовлеченности вузов в жизнь общества. Есть модель социальной справедливости, в центре которой — студенты, учебная программа и педагогика. В противоположность ей существует также модель экономического развития, которая, в свою очередь,

ставит на первый план коммерциализацию науки путем продажи интеллектуальной собственности, научно-технического обмена и т.д. Наконец, есть модель общественного блага, которая, наоборот, делает акцент на вовлеченности в общественную жизнь как на неотъемлемой характеристике всех вузовских подразделений и видов деятельности. Речь не о «третьей миссии», а о выстраивании мостика между преподаванием и наукой. Согласно этой модели, вузы должны разрабатывать системный, всеобъемлющий и стратегический подход, основанный на анализе местных потребностей. И это относится не только к вузам, занимающим низкие строчки в рейтингах (или вообще туда не попавшим), хотя, конечно, у каждого университета будет свой собственный подход.

Для чего нужны университеты?

По большому счету, на кону стоят гораздо более серьезные вопросы, чем показушные споры о том, что именно университеты делают «на благо общества», так что видение и миссия вузов требуют более глубоких изменений. Университеты должны стать ключевыми игроками в собственных регионах. Они также должны быть вовлечены в жизнь международного сообщества, готовить прогрессивных, сознательных, обладающих критическим мышлением граждан и участвовать — благодаря своим научным исследованиям — в разработке глобального плана действий по построению более справедливого и стабильного мира. Мы оказались на историческом перепутье. Сейчас не время для беспечности.

Высшее образование и новая холодная война

Саймон Марджинсон

*Саймон Марджинсон — профессор Оксфордского университета, директор Центра международного высшего образования Совета по экономическим и социальным исследованиям (ESRC/OFSRE) Великобритании, ведущий исследователь Высшей школы экономики в Москве, ответственный редактор журнала Higher Education.
E-mail: simon.marginson@education.ox.ac.uk.*

Долгий период сотрудничества между США и Китаем закончился, потому что США сменили свой внешнеполитический курс. Американские политики и институты готовятся к затяжной геостратегической битве за мировое господство, в особенности в Восточно-

Азиатском регионе, но не только там. Недаром теперь говорят о «новой холодной войне». Эта война проявляется в том, что Трамп повысил пошлины на импорт из Китая, в борьбе за превосходство в области развития технологии 5G, в попытках сломить мировые позиции китайской телекоммуникационной компании Huawei и в других враждебных действиях со стороны США, в том числе в сфере науки и высшего образования.

Демократическая партия США не согласна с большинством решений Трампа, однако в американском обществе существует консенсус о необходимости «обуздать Китай». Это часто связывают с отсутствием в Китае признаков либеральной демократии, но в этом нет ничего нового. В Китае сложилась высокоцентрализованная система, которая никогда не включала в себя элементы, характерные для западной политической системы, основанной на разделении государства, рынка и гражданского общества и на разграничении полномочий между исполнительной, законодательной и судебной властью и военными. Ожидания того, что, открыв границы, китайское общество вдруг американизируется, всегда были не более чем заблуждением. Причина «новой холодной войны» заключается не столько в том, что США отказались от идеи американизировать остальной мир, сколько в нежелании США делить с кем бы то ни было мировое господство и готовности к краткосрочным экономическим проблемам ради попыток приостановить подъем Китая.

Побочные последствия

Когда позиции страны, которая до определенного момента занимала лидирующее положение, вдруг оказываются под угрозой, власти зачастую начинают делать шаги, которые впоследствии оказываются контрпродуктивными (например, постимперская Великобритания продолжает принимать контрпродуктивные решения вроде Брексита, несмотря на то что она уже давным-давно потеряла мировое первенство!). В этот раз, к сожалению, случайными жертвами геополитических игр оказались высшее образование и наука. Глобальные коммуникационные сети, достигшие высокого уровня интеграции, рискуют быть разделенными на две отдельные системы — под руководством США и Китая соответственно. Этот процесс называют «балканизацией интернета». Спецслужбам этих стран такой разворот, может быть, и по нраву, но это явно плохо скажется на сотрудничестве в высшем образовании. Под угрозой также оказались международные исследовательские проекты. Что уже случилось за последние месяцы:

— Срок действия американских виз для китайских студентов, приезжающих в США учиться в магистратуре или аспирантуре по направлениям, связанным с высокими технологиями, сократился с пяти лет до года.

— В отношении ряда работавших в США ученых китайского происхождения проводились персональные расследования касательно так называемых